
РЕЦЕНЗИИ

УДК 378.4(47+430)(09)(048)

О.Д. Попова

**ЭПОХА, ОБЩЕСТВО, ЖЕНЩИНЫ, УНИВЕРСИТЕТ
(рецензия на книгу Труде Маурер «“Барометры” или “Маяки” общества?:
избранные статьи по социальной истории русских
и немецких университетов»: пер. с нем. М., 2015. 527 с.)**

В статье анализируется содержание книги Труде Маурер «“Барометры” или “Маяки” общества?: Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов». Отмечается большой вклад, внесенный автором в изучение истории университетов, и новаторский подход к исследованию университетской истории с позиций исторического и социологического знания.

история университетов, социальная история, женское движение, общественное сознание, власть и образование

История образования всегда привлекала внимание исследователей, как специалистов по истории педагогики, так и представителей классической исторической науки. Для ученого история системы образования — та лакмусовая бумажка, которая определяла политику власти во многих сферах. Исследований по истории образовательных учреждений огромное количество ¹. Традиционно в научных трудах рассматриваются в разной степени подробности функционирования учебных заведений: история их создания, учебный курс, определяемый уставом, а также повседневная жизнь воспитанников тех или иных учебных заведений ². Что же прибавляет к научным знаниям в уже сложившуюся традицию новая книга профессора Гёттинггенского университета Труде Маурер, которая вышла в России в издательстве РОССПЭН при поддержке Германского исторического института в Москве? В целом главную проблему своего исследования автор выносит в заглавие «“Барометры”» или “Маяки” общества?» и на протяжении всей книги ищет ответ на этот вопрос, хотя в явном виде она эти понятия практически не употребляет.

Следует отметить, что принципиальное новаторство данного исследования состоит в том, что автор в историческом аспекте рассматривает проблемы, характерные для социологического знания: динамику социального статуса, проблему гендерного равенства, ментальные настроения общества, становление национального самосознания др.

В главе, открывающей книгу, «Российские университеты и российская профессура», автор формулирует свои методологические подходы к изучению университетского образования. В частности, в изучении университетов она предлагает отказаться от так называемого «уставного

---

¹ См., напр.: Вахромеева О.Б. Их дань Бестужевским курсам (объединённая деятельность бывших бестужевок в 50–70 годы XX века). СПб., 2015; Ее же. Духовное пространство Университета: высшие женские (Бестужевские) курсы, 1878–1918 гг.: исследования и материалы. СПб., 2003; Аврус А.И. История российских университетов: курс лекций. Саратов, 1998; Ищенко В.А. Историческое образование в России: конец XIX — начало XXI в. Ставрополь, 2005.

² Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века. М., 1999; Его же. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; Попова О.Д. В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань: Поверенный, 2006.

образа»³, подразумевая под ним изучение университетской жизни через призму его устава и поиск ответов на вопрос: как нормативно-правовые документы декларируют систему управления и учебного процесса? Данный принцип очень распространен и, в общем-то, закономерен для изучения истории любого социального института и университета в частности. Этот отказ автор аргументирует тем, что норма, которая декларировалась уставом, не всегда осуществлялась на практике. Кроме того, ряд норм устава менялся и дополнялся отдельными распоряжениями.

В связи с этим исследовательница предлагает «социальный подход», который основывается на средневековом понимании ею университета как социального института — «корпоративно организованного сообщества личностей, поставивших себе целью заняться науками» (с. 28). Для Труде Маурер университет не организация, а «общность, облик которой определяют обе образующие ее группы: обучающие и учащиеся» (с. 30).

Желая раскрыть историю университетов именно как социального института, автор берется за довольно большое количество аспектов: социальный статус профессоров, проблема борьбы женщин за получение высшего образования, университеты и иностранные студенты. Поэтому сюжетная линия книги очень многообразна.

Безусловный интерес в этой же главе вызывает анализ профессорской должности с точки зрения социального статуса в России. Как показала исследовательница, в России в конце XIX века сложились достаточно высокие требования к профессорскому званию, что требовало от соискателя большого творческого пути, последовательного прохождения ступеней карьерной лестницы. Именно данный факт сделал эту должность открытой не только для дворянского сословия. Состоятельных помещиков эта профессия не привлекала. А вот для более низких социальных слоев (разночинцев), как пишет автор, «подъем для однажды пустившихся по этому пути был относительно гарантирован» (с. 104). К сожалению, этого не скажешь о дне сегодняшнем, когда занятие наукой не является прочной гарантией социальной мобильности.

К социальному статусу примыкают и такие проблемы, как положение отдельных членов университетской корпорации, возможность профессорского состава влиять на управленческие вопросы, роль профессоров в образовательном процессе. В этом плане очень четко показана разница между российскими и немецкими университетами. В России профессора в большей степени могли влиять на управленческие вопросы, но сам процесс преподавания был более регламентирован. Немецкие корпорации были зависимы от назначения ректора.

Подчеркивая специфику социального статуса профессора, автор указывает на то, что российские профессора нередко подчеркивали свою независимость от власти, прибегали к различным демонстративным актам, вплоть до добровольной отставки. Интересны представленные в книге суждения о соотношении в России понятия «профессор» и «интеллигенция». Труде Маурер считает, что российские профессора не разделяли позиции революционной интеллигенции, но в то же время и не являлись чиновниками в полном смысле этого слова, хотя по факту были таковыми.

Являясь членом Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), Т. Маурер не могла пройти мимо гендерной темы в истории высшего образования. История женского образования, если говорить о «барометрах», являет собой именно такой барометр.

Во второй главе книги «Женщины в германских, российских и других университетах: учеба/обучение и карьерные возможности» прослеживается сложная совокупность обстоятельств, в которых высшее образование в России и Германии пробивало себе дорогу. Автор ярко показывает, что борьба женщин за право получать высшее образование — страница не только в истории российского образования, но и многих европейских стран, а университеты Германии в этом вопросе, в сравнении с российскими, были еще более консервативны. Читателю интересно также будет узнать о специфике дискуссий в обеих странах о влиянии высшего образования на девушек, желающих получить высшее образование. В России общественность боялась нравственного разложения девушек под грузом образования, в то время как в Германии немецкое общество не могло представить девушек в типичной студенческой повседневности, в которую они должны были влиться. В представлении немецкого общества студенчество ассоциировалось со специфической формой мужской жизни, веселыми студенческими пирушками, походами по увеселительным заведениям. Поэтому бурная фантазия противников высшего женского образования рисовала в газетах карикатуры с изображением женщин с пивными кружками.

---

³ Маурер Т. «Барометры» или «Маяки» общества?: Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов: пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2015. С. 27. Далее отсылки на данное произведение даются в тексте статьи с указанием в скобках номера страницы.

Не менее интересной проблемой являются механизмы, которые стимулировали развитие женского высшего образования. Исследовательница приходит к выводам, что в обеих странах они были общими — стремление девушек быть полезными в обществе. В связи с этим большим спросом пользовались медицинское и педагогическое образование. Однако именно в медицину консервативно настроенные мужчины не хотели пускать женщин. В качестве примера в книге довольно подробно рассматривается сложная история медицинского образования в России.

А вот препятствия были специфичными для каждой страны. Как отмечает немецкий профессор, в Германии противником допуска женщин в университеты выступало само общество, университеты и профессура, которая видела в женщинах угрозу корпоративному духу немецких университетов. В России, напротив, профессура поддерживала стремление женщин к получению образования, а препятствия чинила власть, которая старательным образом сеяла в обществе сомнения в умственных способностях девушек к учебе. Поэтому в России, по мнению автора, борьба женщин за право учиться в университете была частью борьбы за гражданские права. Не могла исследовательница пройти и мимо проблемы реализации женщин в профессиональной деятельности, и особенно в научной карьере, где женщинам — приходит к выводу историк — наиболее сложно было получить ученые звания и добиться академической карьеры.

Немаловажным фактором, тормозящим развитие женского образования в России, было государство. Как отмечается в книге, больше перспектив у девушек получить образование было в тех странах, где высшие учебные заведения существовали автономно от государства. В России же даже частные учебные заведения обязаны были получать разрешение от государства на свою деятельность.

Таким образом, автор подводит к выводу, что процесс становления высшего женского образования проходил долго и сложно во многих странах. Возможность женщин получать образование наравне с мужчинами была своего рода «маяком». В третьей и четвертой главах автор переносит центр своего интереса на европейские университеты, и в первую очередь Восточной Европы.

В третьей главе «Российские студенты в Германии» читатель имеет возможность познакомиться с эпизодами жизни и учебы российских студентов в немецких университетах. В XIX веке кризис сельского хозяйства сделал немецкие университеты привлекательными для российских студентов, желающих изучать сельское хозяйство. Еще одним аспектом, который притягивал выходцев из России, был национальный фактор. В частности, Грайфсвальский университет был интересен для студентов еврейской национальности, поскольку в России для них действовали жесткие квоты на получение высшего образования. Однако с ростом революционной борьбы и общественного движения в России немецкие власти стали более осторожно относиться к российским потенциальным студентам.

Автор также затрагивает проблему положения российских женщин в немецких университетах. Представленные в книге материалы свидетельствуют о незаурядности всех этих женщин, поскольку одного аттестата гимназии было недостаточно и большинство девушек поступало в университет уже закончив высшие женские курсы в России. Завершается глава описанием сюжетов повседневной жизни студентов в Гёттингене.

Большой интерес представляет четвертая глава «Патриотизм и национализм в университетах», в которой осмысливается процесс становления государственности ряда европейских государств через развитие системы университетского преподавания. И здесь речь идет, безусловно, о «маяках» общества. В этом плане немалое место занимала проблема языка преподавания, вначале в университетах, а затем в средних учебных заведениях. На примере двух университетов — Пражского и Черновицкого — читатель может убедиться, насколько могут быть различны стороны и проявления одного и того же процесса.

Так, по мнению автора, в Праге вопрос о языке преподавания в университете оказался частью борьбы за равноправие и гражданские права в ходе революции 1848 года. Введение преподавания на чешском языке означало стирание сословных границ, поскольку языком элитарного общества был немецкий, как французский в то время в России. Автор показывает довольно сложную борьбу общества за возможность вести преподавание на чешском языке и связывает эту борьбу с ростом национальных устремлений. Эта борьба привела к очень интересному итогу: в Праге действовало два университета — немецкий и чешский, которые функционировали в одном и том же здании, только входы были разные, в связи с чем был установлен между университетами особый порядок пользования актовым залом и другими общими помещениями. Национальные устремления влияли не только на набор преподаваемых

предметов, но и на развитие этнографии. Этнография выполняла не только научную функцию, но и формировала национальную идентичность.

И совершенно другой пример — Черновицкий университет, где студенты разных национальностей слушали лекции на немецком языке. Здесь немецкий язык выступал как инструмент коммуникации. При этом автор подчеркивает, что с Черновицким университетом сложилась весьма неоднозначная ситуация: с одной стороны, немецкий язык в университете выступал как средство консолидации, а с другой стороны, происходил процесс развития национальных объединений внутри студенчества, что привело к образованию своих собственных кадров, обеспечило рост национального самосознания на местах и стимулировало развитие среднего образования.

Второй аспект, через который автор рассматривает проблему становления национального самосознания, — это отношение университетских корпораций к национальным и государственным праздникам. В качестве важнейшего «маяка», который автор берет для немецких университетов, являлся 1913 год. Для Европы это был столетний юбилей победы над Наполеоном, а также восшествие на престол Вильгельма II. Спецификой этого рубежа было и то, что ожидание новой войны витало в воздухе. Автор показывает, что празднование указанных дат выступило определенным индикатором в отношениях университетов и власти, а также единства университетов. Германские университеты в той или иной степени продемонстрировали свою верность государству и монархическим идеям. Торжественные клятвы и торжественные речи сопровождали праздничные мероприятия, которые одновременно показали готовность университетских корпораций поддержать правительство в новой войне.

В этой же главе автор обращается и к России, в которой 1913 год тоже был особой датой, но другого рода. В России 1913 год проходил в атмосфере празднования юбилея дома Романовых, который должен был продемонстрировать единство царя и народа. И здесь эта дата выступила «барометром» общественной жизни страны. По утверждению исследовательницы, в России празднование дома Романовых выявило довольно сильное противостояние власти и интеллигенции. В отличие от Германии, в России ведущая инициатива в организации торжественных мероприятий принадлежала власти, при этом обязательной частью были торжественные богослужения в домовых храмах учебных заведений. Как отмечает автор, сама интеллигенция не могла внести какое-либо большее разнообразие в сценарий празднования, ибо всякая инициатива должна была утверждаться сверху. (Стоит отметить, что это было характерным не только для высших учебных заведений России, но и для всех учебных заведений страны⁴.) Несмотря на усилия властей, торжества не вызвали отклика в народе. Более того, не была поддержана и инициатива многими университетами, поэтому большинство из них ограничились только обязательным богослужением.

Однако, как показывает автор, такое отношение интеллигенции к праздникам вовсе не означало, что российская профессура совсем не отмечала праздничных дат. Только для преподавателей высших учебных заведений были ближе другие формы торжественных мероприятий, например, научные конференции. В частности, в такой форме в России оппозиционные круги широко праздновали юбилей крестьянской реформы 1861 года. В 1913 году также в ряде университетов состоялись подобные мероприятия, но они не приобрели широкого размаха.

Таким образом, автор подводит нас к мысли, что в Германии государственные торжества выступили «маяком», выражением патриотизма и верноподданнических чувств. В России же праздники стали барометром, показателем сложных отношений власти и общества. Очень примечателен вывод, что немецкие университеты были исторически связаны с армией, более того, некоторые из студентов и профессоров имели опыт несения службы и даже принимали участие в боевых действиях за объединение Германии. Российские студенты были отдалены от вооруженных сил и, более того, даже имели большие льготы по исполнению воинской повинности. Поэтому и отношение к начавшейся в 1914 году войне у студентов разных стран было различным.

В заключительной, шестой, главе книги «Университеты в Первой мировой войне» более подробно освещается отношение к войне студентов разных стран. В частности, показывается, что университетская и военная культура в Германии тесно связаны: университетские городки и

---

⁴ См., напр.: *Попова О.Д.* В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань, 2006.

воинские части располагались рядом, учеба молодых людей могла сочетаться с военной службой. Все это формировало определенную специфику повседневной жизни университетской молодежи и очень часто торжественные мероприятия университетской корпорации устраивались на военный манер. Многие профессора университетов неоднократно публично поддерживали связь университетской культуры и армии, более того, выражали уверенность в пользе военного опыта для науки.

В этой же главе проанализирован процесс влияния войны на функционирование университетов: военные действия явились катализатором ряда реформаторских процессов (например, изменилась система подготовки медиков) и то же время усилилось противостояние студентов и власти. Особое внимание исследовательница по-прежнему уделяет проблеме женщин, пытаясь ответить на вопрос, насколько война облегчила или, наоборот, усложнила процесс получения высшего образования. Анализируя большой фактический материал, она приходит к выводу, что наиболее яркие формы существовавшей дискриминации, как то: недопуск девушек на некоторые лекции, например по гинекологии, отказ включать девушек в различные общественные организации — в годы войны смягчились. Но говорить о полной ликвидации дискриминации не приходится. Несмотря на то, что количество девушек среди студентов заметно увеличилось, более того, девушки-студентки не дали закрыться ряду немецких университетов, в общественном сознании это явление рассматривалось как аномальное. По-прежнему девушкам сложно было сделать академическую карьеру, а общественность еще более активно спорила о женском предназначении.

Однако представляется несколько спорным утверждение профессора Т. Маурер, что та деятельность, которой девушки традиционно занимались во время военных действий — готовить подарки бойцам, вязать варежки и чулки, есть возвращение к традиционным женским занятиям.

В этой же главе Т. Маурер, рассматривая вопрос об иностранных студентах в немецких университетах, приходит к выводу, что война обострила националистические устремления и иностранные студенты стали подвергаться гонениям. Однако со временем академические ценности взяли верх и многие профессора стали относиться к русским студентам, волей судеб оставшихся в стенах немецких университетов, доброжелательно.

В России же, по утверждению автора книги, мобилизация в годы Первой мировой войны, в силу специфики русского законодательства, не затронула студентов (с. 512). Патриотизм российских студентов выразился в уходе за ранеными, предоставлении для них помещений, организации университетских лазаретов, организации работы с беженцами.

Таким образом, читатель после знакомства с книгой очевидно придет к выводу о выполнении двойной роли университетов в жизни общества. Они создавали новые ориентиры, то есть служили «маяками», и были «барометрами», фиксируя состояние общественного сознания. Без сомнения, книга Труде Маурер представляет интерес и вносит существенный вклад как в социологическое знание, так и в социальную историю, хотя некоторые положения ее рассуждений оставляют место для дискуссий. В частности, при анализе истории российских университетов не затронуты некоторые политические и общественные факторы, такие как: отмена крепостного права, эпоха Великих реформ, ломка сословных границ. Несколько искусственно выглядит вывод автора о том, что освобождение российского студенчества от службы в армии отделило русскую интеллигенцию от народа и фронта. Однако любые дискуссии двигают нас к новым поискам и новым истинам.

В заключение хочется поблагодарить автора этого замечательного исследования за преподнесенную в дар книгу отдельным членам Российской ассоциации исследователей женской истории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврус, А.И. История российских университетов [Текст] : курс лекций. — Саратов, 1998.
2. Вахромеева, О.Б. Духовное пространство Университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы, 1878–1918 гг.: исследования и материалы [Текст]. — СПб., 2003.
3. Вахромеева, О.Б. Их дань Бестужевским курсам (объединенная деятельность бывших бестужевок в 50–70 годы XX века) [Текст]. — СПб. : Лема, 2015. — 362 с.
4. Иванов, А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации [Текст]. — М. : Новый хронограф, 2004. — 408 с.
5. Иванов, А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба [Текст] / Ин-т российской истории РАН. — М. : РОССПЭН, 1999. — 414 с.

6. Ищенко, В.А. Историческое образование в России: конец XIX — начало XXI в. [Текст]. — Ставрополь : Изд-во СГУ, 2005. — 383 с.
7. Маурер Т. “Барометры” или “Маяки” общества?: избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов: пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2015. — 527 с.
8. Попова О.Д. В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ) [Текст]. — Рязань : Поверенный, 2006. — 276 с.

REFERENCES

1. Avrus, A.I. Istoriya rossiyskikh universitetov [Text] : kurs lektsiy. — Saratov, 1998.
2. Ischenko, V.A. Istoricheskoe obrazovanie v Rossii: konets XIX — nachalo XXI v. [Text]. — Stavropol : Izd-vo SGU, 2005. — 383 s.
3. Ivanov, A.E. Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX — nachala HH veka: opyt kulturnoy i politicheskoy samoorganizatsii [Text]. — M. : Novyyi hronograf, 2004. — 408 s.
4. Ivanov, A.E. Studenchestvo Rossii kontsa XIX — nachala HH veka: sotsialno-istoricheskaya sudba [Text] / In-t rossiyskoy istorii RAN. — M. : ROSSPEN, 1999. — 414 s.
5. Maurer T. “Barometryi” ili “Mayaki” obshestva?: isbrannyye statyi po sotsialnoy istorii russkikh i nemetskikh universitetov: per. s nem. M.: Rosspen, 2015. — 527 S.
6. Popova O.D. V stenah konvikta... (Ocherki povsednevnoy zhizni zhenskikh eparhialnykh uchilishch) [Text]. — Ryazan : Poverennyiy, 2006. — 276 s
7. Vahromeeva, O.B. Duhovnoe prostranstvo Universiteta. Vysshie zhenskie (Bestuzhevskie) kursyi, 1878–1918 gg.: issledovaniya i materialy [Text]. — SPb., 2003.
8. Vahromeeva, O.B. Ih dan Bestuzhevskim kursam (ob'edinYonnaya deyatelnost byivshih bestuzhevok v 50–70 godyi XX veka) [Text]. — SPb. : Lema, 2015. — 362 s.

O.D. Popova

**THE EPOCH, SOCIETY, WOMEN, UNIVERSITY:
(A Review of the book by Trude Maurer “The ‘Barometers’ or ‘Beacons’ of society.
Selected articles on social history of Russian and German universities”
Moscow, 2015. 523 pp.)**

The paper focuses on Trude Maurer’s book “The ‘Barometers’ or ‘Beacons’ of Society. Selected Articles on Social History of Russian and German Universities”. The paper analyzes the content of the book, which is highly innovative because it investigates university history through the prism of historical and sociological research. The paper maintains that Trude Maurer’s research has made a significant contribution to the investigation of the history of Russian and German universities.

university history, social history, feminist movement, social consciousness, education and power.